

ОТНОШЕНИЯ И КИБОРГИ: ПУБЛИЧНОЕ И ПРИВАТНОЕ В ГОРОДСКОЙ КОММУНЕ

Артём Валерьевич Котельников
(a-k-v-2m-s@mail.ru)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Котельников А.В. (2025) Отношения и киборги: публичное и приватное в городской коммуне. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(3): 228–257. <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.3.10> EDN: HNYDGP

Аннотация. Представлено этнографическое исследование ДОма — одной из примерно десятка ныне существующих коммун Санкт-Петербурга, основанных на совместном проживании и ведении общего хозяйства людьми, не являющимися друг другу родственниками, в больших квартирах (некогда коммуналках или общежитиях). Проблема соотношения приватного и публичного рассматривается в характерной для коммунальной жизни ситуации неопределенности (прозрачности) границ между ними в контексте значения вещей как акторов внутри этого прозрачного пространства и распределенной агентности в нем. Исследования, посвященные такого рода неопределенности, либо не обсуждают прозрачности границ публичного и приватного, объясняя неопределенность иначе (например, через переходные сферы или перформативно), либо только констатируют ее существование, не проясняя ее устройства. В качестве альтернативного аналитического аппарата автор обращается к концепции отношений Мэрилин Стратерн, выделяющей две формы распределенной агентности, релевантных реалиям исследуемой коммуны: 1) отношения взаимности и 2) киборгов как форму отношений. Первые предполагают такую агентность акторов, в рамках которой действие совершается с оглядкой на Другого, внутри вторых одни акторы выступают в качестве представителей других. Отношения взаимности в коммуне предполагают посредников. Чаще это звуки или вещи. Связь с этими посредниками разных людей также является связью приватных и публичных пространств коммуны. В свою очередь, киборги, включающие представителей бывших жителей коммуны — других людей, принадлежащие бывшим жителям вещи и арендные залого, делают возможным возвращение этих самых бывших жителей в пространство коммуны и тем самым связывают публичное пространство вне коммуны и ее приватную сферу. Проницаемость пространства коммуны определяется и структурируется по-разному локализованными формами распределенной агентности в ней.

Ключевые слова: городская коммуна, намеренное сообщество, публичное и приватное, прозрачность, отношения взаимности, киборги, распределенная агентность, общий мир.

В начале февраля 2022 г. в петербургской коммуне ДОм на Синей ветке¹, где я проводил полевое исследование, появился ее бывший житель Алекс, некогда занимавший комнату в конце коридора. Во время своего переезда он уступил комнату Анне, которая во время моего проживания в ДОме была в долгосрочном отъезде. По договоренности с ней в комнате жила Анель. Вещи Анель соседствовали с вещами Анны, недалеко от них также находились вещи Алекса. За ними он и приехал. Его вещи постепенно перемещались в коридор, среди них было много предметов из латуни, что производило впечатление прилавка на блошином рынке. В один момент к ним присоединились большая настенная политическая карта мира размером 2 × 3 м. Ближе к вечеру Алекс забрал вещи из коридора, с ними пропала и карта.

Вечером следующего дня я постучался в дверь к Анель, которая обещала рассказать мне о бывших жителях ее комнаты. Оказавшись внутри, я обнаружил, что карта вновь висела на стене. Анель рассказала мне, что, неся карту по коридору, Алекс встретил Ника, живущего через пару комнат от Анель. Ник утверждал, что карту он, работая в типографии, на свои деньги напечатал по просьбе человека, занимавшего ту же комнату в конце коридора еще до Алекса и обещавшего заплатить за эту услугу. Заказчик, вопреки договоренностям, не оплатил ее, а съезжая, оставил карту в комнате. В сложившихся обстоятельствах Ник считал эту карту своей. Нехотя Алекс отдал карту Нику и тот снова повесил ее на стену в комнате Анель.

Подобную ситуацию легко можно представить в любой из комнат ДОма. Вещи всех его жителей («домашних») соседствуют с вещами бывших членов коммуны, с которыми нынешние хозяева комнат не только бываю-ют не знакомы, но могут даже не знать их имен. Те, однако, иногда появляются в ДОме: они встречаются там с друзьями, приходят в гости на праздники и иногда увозят свои вещи с собой. Таким образом, приватное пространство комнат оказывается вовлечено во вполне публичные, т.е. связанные с незнакомцами и чужаками, события. Нынешние их хозяева не только лично имеют дело с теми, кто когда-то жил в тех же четырех стенах, но и делают его с их вещами. Им совсем нетрудно стать свидетелями или даже участниками отношений, которые сложились в той или иной комнате задолго до их переезда туда.

¹ Вместо «Синей ветки» жителями коммуны упоминается конкретная станция метро. Это название я использую для анонимизации места, всем информантам, упоминаемым в статье, также присвоены псевдонимы, поскольку поиск в интернете по оригинальному названию коммуны позволяет относительно легко получить информацию о ней и ее жителях, ссылки на материалы о коммуне, выложенные в открытый доступ, не приводятся по этой же причине.

Такого рода неоднозначность в соотношении границ частного и публичного по-разному осмысливается в историографии. Можно выделить три исследовательских линии.

Первая из них связана с поиском переходных пространств и восходит к построениям Ханны Арентс, настаивавшей на том, что современные люди, в отличие от античных, чаще всего имеют дело не с публичным и частным, а с промежуточной для них сферой социального (Арендс 2000: 51–65).

Вторая постулирует перформативность рассматриваемых сфер, для чего привлекаются разные концептуальные рамки. Сьюзен Гал, опираясь на философию диалога М. Бахтина и свои этнографические наблюдения в (пост)социалистической Венгрии, утверждает, что публичное и частное возобновляются фрактально: в любом пространстве выделяется частная и публичная часть, а при проникновении в одну из них контр-агенты вновь воспроизводят разделение публичного и частного, указывая на те или иные реалии как на то, что находится «здесь» или «там» (Gall 2002). Кристена Нипперт-Энг апеллирует к тезисам Э. Гофмана, настаивая на том, что ее информанты (жители Чикаго) совместно конструируют границы публичного и частного в каждом акте взаимодействия (Nippert-Eng 2010). По мнению Александра Мануйлова, жители сел Юга России участвуют в совместной координации (по Л. Тевено) сфер публичного и частного, благодаря чему частность или публичность той или иной части пространства зависит от выбранной ими стратегии взаимодействия (Мануйлов 2007). Другие исследователи описывают соотношение публичного и частного как фукольдианскую гетеротопию, где обе сферы могут содержать в себе друг друга, переносится или переклещиваются — в северорусской деревне (Рахманова 2018) или в туристическом городке Прибайкалья (Корюхина, Куклина 2019).

Третья линия описывает экспансию одной сферы и вытеснение ею другой: публичной по отношению к частной, например в случае с телом и одеждой советского человека (Гурова 2004; Гурова 2008: 210–229) или частной в отношении публичной в случае со звуковым ландшафтом села на Северо-Западе России (Богданова 2017), разрешением конфликтов в петербургских общежитиях (Thévenot 2020) и пр.

Отдельно я бы выделил подход, акцентирующий внимание на прозрачности (по выражению Ильи Утехина) границ публичного и частного и связанный прежде всего с исследованием (пост)советских коммунальных квартир (Boym 1994; Бойм 2002: 187–192; Герасимова 1998; Герасимова 2000: 79–85; Gerasimova 2003; Утехин 2004; Утехин 2007; John 2017). Публичное и частное в нем разделены, но разделены недостаточно:

намеренно скрываясь от публичности в приватном пространстве, участник взаимодействия продолжает иметь дело с публичным вниманием, в том числе со своей стороны (например, к звукам).

Подобный анализ прозрачности пересекается с построениями Х. Арендт, описывавшей публичные пространства как место встречи отделенных друг от друга автономных акторов, свободных членов полиса, покидающих свои приватные пространства для политической дискуссии. Несмотря на автономность, их связывает между собой общий мир (*gemeinsamen Welt*) — совокупность объектов, в том числе вещей, находящихся в поле совместного (или скорее совмещенного) восприятия этих акторов (Арендт 2000: 65–76). В качестве крайней альтернативы Х. Арендт представляет тотальную неразделенность акторов, сведение их к единой массе, имеющую место в обстоятельствах политического террора (Арендт 1995: 604).

Исследования прозрачности и проницаемости (я буду использовать эти категории как синонимичные) публичного и приватного, мало фокусируются на описании объектов, связывающих субъектов взаимодействия. О них рассуждают прежде всего как о том, что не может обеспечить полноценной приватности (типа перегородок в коммуналках). Сама же прозрачность лишь констатируется, а ее устройство остается за скобками.

Я полагаю, что акцент на общем мире в анализе прозрачности границ публичного и приватного позволит не просто указать на существование прозрачности, но и прояснить ее устройство. В отличие от Х. Арендт, четко отграничивавшей публичное от приватного, я не буду описывать разделяющих общий мир акторов в качестве принципиально отделенных как друг от друга, так и от его объектов, и в то же время не стану рассматривать агентов, действующих внутри коммуны как неразличенную массу. В своем анализе я буду использовать концепции распределенной агентности, предложенные Мэрилин Стратерн.

Мой тезис состоит в том, что прозрачность границ публичного и приватного, распределенная между различными и различаемыми акторами агентность обуславливают возможности их пространственного доступа и взаимодействия, благодаря чему и существует тем или иным образом структурированная прозрачность. Общий мир по Х. Арендт и, в частности, вещи внутри него в случае с ДОм является не просто объектом взгляда различных отделенных друг от друга акторов. Он участвует в распределении их агентностей и тем самым в создании отношений. Особенности сложившихся отношений, в которые общий мир вовлечен не в качестве совокупности отдельных объектов, а в качестве распределенных агентов, определяют не публичность взаимодействия в коммуне, но устройство

прозрачности границ публичного и частного внутри нее. В обстоятельствах прозрачности утрачивает смысл различие акторов и их общего мира, а также жесткое разделение агентов как автономных. Имеет место сонм разнообразных локализованных акторов, которые вступают в отношения, распределяя свою агентность между другими акторами — людьми, вещами, денежными суммами (о них будет сказано ниже) и пр., при этом не сливаясь во внутренне неразличимую массу. Именно таким образом они воспроизводят и структурируют проницаемость и прозрачность этих границ.

Меня интересуют два типа отношений, которые, по мнению М. Стратерн, определяются распределенной агентностью их акторов. Отношения, которые исследовательница так и называет отношениями (*relations*), предполагают, что каждый агент интериоризирует Другого и воспринимает действия одновременно со своей точки зрения и с точки зрения другой стороны: что произошло с одним агентом отношений, произошло и с другим, действия одного автоматически приводят к действиям другого, в результате вовлеченные в отношения акторы действуют с оглядкой друг на друга. Подобное происходит, например, в обстоятельствах брака, когда урожай, выращенный женой, рассматривается ей как результат совместной деятельности с мужем, даже если тот не участвовал в сельскохозяйственных работах (Strathern 1988: 176–182, 271–275, 297–300). Другой тип отношений М. Стратерн вслед за Донной Харауэй (Харауэй 2005) называет киборгом (*cyborg*). В стратернианской интерпретации киборг появляется тогда, когда тот или иной актор обретает представительство в лице другого актора, распределяя тем самым свою личность во времени и пространстве и увеличивая с помощью него свою агентность (Strathern 2004: 36–119).

Первые отношения я вслед за интерпретаторами М. Стратерн, дабы избежать терминологической омонимии, буду называть отношениями взаимности (Sahlins 2013), вторые следуя за ней — киборгами.

Теоретические вводные

Как уже было сказано выше, опираясь на построения Донны Харауэй (Харауэй 2005), М. Стратерн называет киборгами ассамбляжи, в которых актор обретает представительство посредством другого актора — инструмента (*tool*) (Strathern 2004: 36–119).

Понятие киборга, используемое М. Стратерн, восходит к биотехнологической концепции кибернетического организма (*cybernetic organism*), который как раз и сокращается как «киборг», созданной нейрочеловеком Манфредом Клайнсом и психиатром Натаном Клайном, настаивавшими

на необходимости модификации человеческого организма с целью адаптации его к условиям внеземного пространства. В их понимании киборг — это «экзогенно расширенный организационный комплекс, функционирующий как интегрированная гомеостатическая система без вмешательства сознания». Модифицирующие тело элементы в нем действуют автономно, «оставляя человека свободным исследовать, творить, думать и чувствовать» (Clynes, Kline 1960: 27). Таким образом, киборг появляется в результате взаимной интеграции множества агентов и агентностей.

С введенным М. Клайнсом и Н. Клайном понятием исследователи связывают (в том числе ретроспективно) интеллектуальную традицию, ставящую под сомнение границы, разделяющие организм и его среду обитания или тело и связанные с ним материальные объекты (Sue 2005; Muri 2007; Соколовский 2022). «Киборг» становится средством описания инкорпорации материально воплощенных агентов (в частности, технологических), притом что некоторые из них воплощены именно в телах.

Донна Харауэй считает киборга феноменом, характеризующим эпоху постмодерна (Харауэй 2005: 324). Исследовательница наследует обозначенной выше традиции: она настаивает на сомнительности границ человеческих тел, указывая на соматическую интеграцию организмов с машинами и другими организмами, связанную, в частности, с развитием медицинских технологий (Харауэй 2005: 324, 362–363). Одновременно она разрабатывает другую линию концептуализации, рассматривающую киборга как отказ от структурной дуальности — размытие границ между человеческим и животным на примере зоозащитного движения (Харауэй 2005: 326–327), между живым существом и машиной с указанием на то, что поведение роботов становится все труднее отличить от поведения людей (Харауэй 2005: 327–328), физического и нефизического, связанное с тем, что агентность машин становится все менее видимой, как в случае с компьютерными чипами (Харауэй 2005: 329). Благодаря разрушению такого рода бинарных оппозиций лишаются смысла формы солидарности и идентичности, основанные на единстве и сходстве (например, между представителями одного класса), на смену идентичности приходит «притяжение» (*affinity*) (Харауэй 2005: 331–339), связывающее взаимно не схожих агентов «не по крови, но по выбору» (Харауэй 2005: 332). Связи, существующие внутри киборгов, исследовательница называет частичными (*partial connections*), поскольку те предполагают принципиальное различие все также взаимосвязанных агентов (Харауэй 2005: 339, 367).

М. Стратерн универсализирует понятия, предложенные Д. Харауэй, отмысливая «киборга» от ситуации постмодерна и делая возможным его использование для описания более разнообразных этнографических

реалий, она также смещает акцент с солидарности на агентность: исследовательница описывает киборга не просто как результат разрушения бинарностей и размывания границ между агентами разного рода, но обозначает этим понятием особый ассамбляж, особый тип распределенной агентности. Новая агентность обретается актором благодаря другим агентам, которых М. Стратерн, как уже было сказано, называет инструментами. Связь между актором и его инструментами также является частичной — они не являются полностью обособленными друг от друга, но и не представляют собой единства, они именно частично распределены по отношению друг к другу без образования целого из частей (Strathern 2004: 38–40). Эту связь М. Стратерн, следуя традиции концептуализации «киборга», интерпретирует как телесную. В качестве одного из примеров она приводит практики брачного обмена и обмена деревянными масками у различных групп индигенных народов Папуа — Новой Гвинеи. Мужчины разных деревень во время совместных праздников передают друг другу маски и (в качестве жен) своих дочерей. Обмен дает повод жителям одной деревни появиться в пространстве другой во время праздника. М. Стратерн усматривает символическое сходство между масками и дочерьми — маски делаются из дерева и благодаря этому связываются с человеческими телами, поскольку деревья, по мнению ее информантов, имеют структуру аналогичную человеческим телам, дочери же связываются с деревьями через плодовые венки, надеваемыми на их головы в момент бракосочетания (Strathern 2004: 82–85). Так, тела местных мужчин расширяются и получают присутствие в соседней деревне, а их дочери и маски выступают в роли инструментов. Тело киборга, по М. Стратерн, далеко отстоит от организма (или даже кибернетического организма). Продолжая связывать киборга с телом, исследовательница описывает тело как некую символическую структуру. Добавим, что концепт киборга имеет для исследовательницы также эпистемологический смысл — частичные связи связывают не только ее информантов и других агентов исследуемого поля, они также определяют отношения между этнографом и информантом или между антропологом и идеями соседних дисциплин (например, гендерными исследованиями) (Strathern 2004: 38–40).

Я полагаю, что вещи, оставленные «домашними» при отъезде из коммуны, подобно дочерям и маскам жителей Папуа, играют роль инструментов. Не будучи интегрированными в их тела (символические, биологические или иные), они тем не менее позволяют «домочадцам» сохранять свое присутствие в нем. Уже покинув его, «домашние» сохраняют возможность вернуться в пространство коммуны.

М. Стратерн не вводит эксплицитного различия между киборгом и отношениями взаимности. Эти понятия вводятся ею в разных работах (Strathern 1988; Strathern 2004). По-разному описывая эти понятия, она тем не менее не сравнивает их и не противопоставляет. Однако, обобщая предлагаемые ею концепции, можно сделать ряд сравнительных выводов об этих типах отношений.

Если в обстоятельствах киборга тот или иной актор получает представленность посредством инструментов, т.е. прежде всего распространяет свою агентность в пространстве через другого актора, то внутри отношений взаимности агентность не распространяется, она смешивается и приобретает симметрию. Один из акторов не становится средством реализации агентности другого, он обладает агентностью, до некоторой степени единой с другим. Иными словами, если киборг предполагает одностороннее направление (действие одного агента через другого), то отношения взаимности направлены сразу в обе стороны (действие с оглядкой на другого и с реакцией другого), по этой причине в них нельзя выделить инструменты.

Часто в формировании отношений взаимности по М. Стратерн в качестве посредника участвует подарок, который создает отношения взаимности между дарителем и одариваемым. В этом случае подарок не является проводником воли только дарителя, как в случае создания киборга, он обеспечивает связь, благодаря которой воля обоих участников отношений может быть объединена и взаимно направлена (Strathern 1988: 176–182, 271–275).

Адам Рид, развивающий тезисы М. Стратерн, считает одним из возможных условий формирований отношений взаимности пространственную проницаемость. Он анализирует такого рода обстоятельства в реалиях новогвинейской тюрьмы, организованной в логике паноптикума по И. Бентаму, и указывает на то, что как у заключенных, так и у охранников формируется особого рода агентность. Конституирующей чертой этой агентности является аleteический взгляд (*aletheic gaze*), идею которого А. Рид заимствует у философа Дэвида Левина (Levin 1988: 440). Аleteический взгляд предполагает переплетение (*intertwining*) позиций познающих друг друга субъектов, разные взгляды смешиваются до некоторой степени единства. Как следствие, надзиратели и заключенные действуют с оглядкой на Другого, наблюдающего и наблюдаемого одновременно. Эта ситуация, по мнению А. Рида, отличает тюрьму близ Порт-Морсби от фукольдianской интерпретации паноптикума (как ее понимает А. Рид) — вместо трансцендентального взгляда противопоставленного объекту субъекта наблюдения формируется поле субъект-субъектных отношений

(Reed 1999)¹. Я полагаю, что подобная особенность отношений взаимности имеет место и в ДОме, о чем будет рассказано в четвертом разделе этой статьи.

Место, его генеалогия и полевое исследование

Жители коммуны («домашние», или «домочадцы»), как уже упоминалось, называют ее ДОмом или, в контексте разговора о разных коммунах, существующих в Петербурге, — ДОмом на Синей ветке. На письме в кратком и полном названиях коммуны выделяется буквосочетание «Ом». Это, впрочем, никак не нагружается символически и описывается как традиция, чьи корни не до конца ясны.

По утверждению одного из основателей ДОма, его первыми жителями и создателями являются выходцы из распавшейся к тому моменту коммуны Дом на Фонтанке. Дом на Фонтанке, по словам его бывших обитателей, восходит к петербургскому Дому на Набережной (не имеющему отношения к московскому Дому Правительства), который также давно прекратил свое существование.

ДОм является частью сети из около десятка коммун («домов»), его жители знают о существовании других «домов»², некоторые также имели возможность пожить в них.

На период исследования ДОм был заселен 25-ю людьми (возрастом 23–43 лет за одним исключением), среди которых 12 совершеннолетних женщин, 12 мужчин и одна годовалая девочка, там же обитали шестеро котов и кошек (один из них зовется «коммунальным», остальные закреп-

¹ Другие интерпретации фукольдианского паноптикума, впрочем, утверждают, что уже в построениях М. Фуко происходит отказ от трансцендентального наблюдателя (см., например: Ссорин-Чайков 2009), однако возможная критика этой части соображений А. Рида не является задачей этой статьи.

² Полагаю, что к «домам» применимо понятие намеренного сообщества (*intentional community*) — сообщества, определяемого через осознанное намерение его участников быть сообществом, а также общее жилое пространство, некоторые общие хозяйственные ресурсы и наличие в сообществе более пяти взрослых членов, не являющихся родственниками. К таким сообществам, в частности, принято относить городские коммуны (Miller 1998: XX–XXI). Намеренное сообщество противопоставляется натуральному сообществу (*natural community*) — семье, крестьянской общине и пр., члены которых не выбирают жить в том или ином сообществе, а, например, рождаются в них (Brown 2002). Жителями петербургских коммун «коммуны» противопоставляются «коливингам», коливингом называют подобное коммунам сообщество, которое отличается от нее тем, что имеет формализованного лидера и практикует элементы коммерциализации, выражающиеся, в частности, в проведении платных мероприятий в своих стенах. Коммуна же управляется неиерархически и не стремится зарабатывать деньги.

лены за отдельными хозяевами) и одна собака. Профессиональный состав жителей коммуны разнообразен. Среди ее участников продающие свой физический труд промышленные альпинисты, офисный пролетариат и прекариат (работники копировальных центров и типографий), IT-специалисты различного рода, имеющие возможность работать удаленно, репетиторы, художники, продающие свои работы через интернет, хозяева квартир, сдающие их в аренду, и пр. На момент проведения исследования двое информантов жили в ДОме с момента его основания, остальные — от полугода до двух лет. Члены коммуны в складчину арендуют помещение площадью 559 м², включающее в себя 28 отдельных комнат (в 20 из них живут люди), два санузла и коридор. Такой формат аренды позволяет существенно снизить ежемесячный взнос за комнату — он составляет от 10 до 15 тыс. руб. с учетом платы за коммунальные услуги и интернет. Помещение коммуны располагается в многоквартирном доме 1930 г. постройки и представляет собой коридор с большим количеством комнат, прилегающих к нему (некогда оно являлось рабочим общежитием). С коммуной соседствуют как жилые квартиры, так и офисы, hostels и т.д.

Отдельно отметим, что собственник помещения не разделяет предпочтений жителей коммуны в образе жизни, их взаимодействие строится как товарное. Аренда вообще является основной формой отношений с недвижимостью в известных мне коммунах Петербурга. Помещение никогда не сквотируется и почти никогда не находится в коллективной собственности. Эта особенность ярко отличает петербургские коммуны от схожих сообществ в некоторых других мегаполисах мира (Dee 2016; Kadir 2016; Azozomox, Kuhn 2018).

Среди помещений ДОма его жители выделяют «общие места», или «общие пространства», к ним относят зал, курилку, гостиную, кухню и два санузла. Зал и гостиная используются для внутренних мероприятий (занятия спортом, настольных игр и пр.) и мероприятий с участием гостей (квартирники, мастер-классы, праздники и т.п.). Жители ДОма чаще всего встречаются в гостиной, там они едят пищу, которую готовят на прилегающей к ней кухне (между ними есть дверной проем), там же находится коллекция настольных игр, общая библиотека и обеденный стол (есть принято, впрочем, не только за ним). В гостиной стоит колонка с bluetooth-адаптером: почти каждый, кто приходит туда с утра первым, включает предпочитаемую им музыку, там же проходят общие собрания. В зале и гостиной действует правило, запрещающее там спать. Курилку посещают все курящие жители коммуны, а также те, кто хочет продолжить с ними общение, начатое в гостиной или личной комнате одного из собе-

седников. Курилка запирается изнутри и снаружи во избежание проникновения запаха табака в коридор и ближайшие комнаты.

Значимая часть предметов в ДОме находится в общем пользовании. Как правило, они располагаются в «общих пространствах». Среди наиболее заметных из них можно назвать проектор, уже упомянутые коллекцию настольных игр и библиотеку, а также фортепиано, находящиеся в гостиной, сушилку для белья, стиральную машину и гладильную доску, располагающиеся в одном из санузлов и т.п. В зале также находится «фримаркет» («фришка») — место для добровольного выкладывания вещей одними членами коммуны и безвозмездного присвоения их другими.

Жители ДОма совместно закупают месячный запас продуктов и бытовой химии, а на общих собраниях избирают ответственных за это. Также на неопределенный срок (как правило, до отказа исполнять свои обязанности) ими избираются счетовод и ряд дежурных.

На этих собраниях, иницилируемых для обсуждения некоей заранее предложенной повестки, (в декларируемой норме) решения принимаются консенсусом, реже — большинством голосов. Инициатором собрания может выступить любой житель коммуны, за исключением «вписчиков», т.е. тех, кто, ночуя в ДОме, пребывает на положении гостя кого-либо из его членов.

Все «домашние» признают значимость свода писанных правил коммуны — «Договорённостей».

Нынешние жители ДОма утверждают, что у сообщества нет лидера, как таковая позиция лидера не предполагается. Отмечу, впрочем, что многие считают, что в момент основания у него был лидер, который, по его собственным словам, избегал этой роли и успешно смог ее нивелировать. По рассказам бывших жителей коммуны, в течение ее существования в ней также появлялись группы жителей, считавшие, что у ДОма есть лидер, но эту точку зрения никогда не разделяли все.

Новые жители коммуны, как правило, появляются в ней по рекомендации кого-то из «домашних», реже они сами могут обнаружить объявления об аренде комнаты (их выкладывают в соцсетях), затем в одном из чатов коммуны происходит предварительное голосование, где, как предполагается, кандидатура может быть отвергнута, в случае если найдется минимум один ее противник, позицию которого поддержат двое или большее количество человек. Эта часть отбора связана с мониторингом страниц потенциального сожителя в соцсетях. В дальнейшем в случае успешного прохождения первой части отбора, кандидат приходит на «знакомство» — собеседование, на котором его расспрашивают о хобби,

работе, взглядах и привычках. После происходит тайное голосование, по результатам которого претендент становится или не становится жителем ДОма. Процесс принятия в коммуну значительно упрощен для тех, кто до того часто бывал в ней гостем: он может быть принят без знакомства и даже предварительного обсуждения.

Бывшие жители ДОма, а также те, кто принимал в его жизни активное участие, скажем, организуя мероприятия, но не жил в нем, определяются «домашними» как «друзья ДОма», большинство из них состоит в созданном для этой группы чате в Telegram. К ним теперь принадлежу и я.

Мое полевое исследование, продлившееся с декабря 2021 по сентябрь 2024 г., можно разделить на три этапа.

Первые пару декабрьских недель мое присутствие в коммуне сводилось к верандной этнографии, игнорирующей призыв «спуститься с веранды» (*come off the verandah*), приписываемый стороннику включенного наблюдения Брониславу Малиновскому. Первоначально, ведя наблюдения, я не разделял с информантами их повседневности (Kuper 1994: 203; Okely 2012: 1, 17–19, 76). Вместо этого я появлялся там в качестве гостя, брал заранее назначенные интервью, в которых достаточно абстрактно обсуждалась жизнь сообщества, и делал отдельные не погруженные в контекст наблюдения.

Второй этап продлился с января по февраль 2022 г. и был связан с моим переездом в ДОм и возможностью вести активное включенное наблюдение. Все это время многие информанты знали о моей позиции исследователя, значимую их часть это, впрочем, вовсе не интересовало, они называли наше общение дружеским, а «Антрополог» на какой-то период стало моим прозвищем (прозвища имели и имеют многие жители коммуны), в связи с этим мое наблюдение трудно охарактеризовать только как скрытое или открытое.

Большую часть времени я вел наблюдение в местах, которые используют все или почти все «домашние» (например, в гостиной или курилке), там же я проводил интервью. Наблюдения не были структурированы, не имели жесткого графика, поскольку члены сообщества предпочитали бывать в одних и тех же местах в разное время в течение суток, в том числе ранним утром и поздней ночью. Я фиксировал их в телефоне, что позволяло не привлекать к этому отдельного внимания, а затем переносил в дневник наблюдений, в других случаях фиксировал их в дневнике по памяти. Наблюдениям сопутствовали неформальные интервью — я инициировал беседы и вмешивался в них, тем самым воспроизводя типичные для коммуны практики, поскольку в гостиную «домашние» часто приходили именно за беседами, многие также говорили, что переехали в ком-

муну, собственно, ради общения. Соответственно такие интервью часто были групповыми и предполагали дискуссию. В этом случае, как часто бывает в этнографической практике, интервью и наблюдения трудно разделить как разные группы методов.

Некоторая часть моих разговоров с информантами напрямую фреймировалась как интервью — им предшествовала просьба об интервью и разрешение на включение диктофона. Такие интервью проводились по мягкому опроснику и часто переносились в личные комнаты, если же они также проходили в гостиной или, например, в курилке, то это совпадало со временем, когда там было мало посторонних или же их не было вовсе. Я часто проводил интервью с бывшими жителями ДОма, которые оказывались там в гостях. С другими бывшими жителями я договаривался об интервью отдельно, их я находил путем снежного кома.

В попытках расширить пространство бесед за пределы «общих мест» я, пользуясь тем, что многие знали о моих исследовательских намерениях, просил информантов проводить мне экскурсии в их комнатах. Некоторые интересовались, зачем мне это нужно, в ответ я рассказывал о том, что жилище — классическая для антропологии тема, подобно тому как изучаются жилища разных народов, исследуются жилища современных горожан, а тем более тех, кто живет в коммунах. Экскурсии имели сходство с нарративными интервью, рассказ строился на том, в каком порядке от места начала экскурсии были расположены вещи и элементы интерьера. Вещный мир комнат служил иллюстрацией к рассказам о прошлом ДОма и провоцировал жителей комнат на воспоминания о его происхождении и связанных с ним событий.

Экскурсии проводили для меня и бывшие жители коммуны, они могли многое рассказать о предметах, граффити и т.п. в «общих местах», в еще большей степени обращаясь к прошлому в своих рассказах. Кроме того, благодаря ним я мог наблюдать практики возвращения в коммуну тех, кто в ней уже не живет.

На третьем этапе своего исследования, покинув ДОм в марте 2022 г., я сам стал его бывшим жителем и посещал коммуну в качестве гостя, а затем предпринимал попытки вернуться туда в статусе жителя. Я также имел возможность вести наблюдения в «общих местах», чаще всего это происходило на открытых мероприятиях, и продолжал брать интервью.

Некоторое количество интервью, как во время моей жизни в ДОме, так и после, переходило в переписку в соцсетях. Как правило, там я задавал «вопросы вдогонку» или информант, продолжая размышлять над интервью, предлагал мне свою рефлексию на тему нашего разговора — часто она также касалась прошлого коммуны.

В совокупности было записано 79 интервью (из них восемь с бывшими жителями коммуны), фреймированных как интервью, подсчитать количество неформальных интервью не представляется возможным.

Мое взаимодействие с информантами часто имело реципрокный характер. Многие из них вменяли мне экспертность в социальных науках. Меня спрашивали о том, как антропология и историческая наука смотрят на те или иные вопросы. Во время интервью я делился этнографическими анекдотами, почерпнутыми из книг и статей.

С реципрокными особенностями моего исследования было связано появление ключевых информантов (их было двое). Я обращался к ним за интерпретацией произошедших в коммуне событий, когда не мог поговорить с непосредственными участниками. Они также рассказывали мне о тех событиях в ДОме, которые я пропускал, уезжая, они же рассказывали мне о делах в коммуне, когда я переехал из нее, приглашали меня в гости. Среди прочего их интересовала моя интерпретация того, что происходило.

Я имел возможность обсуждать с некоторыми «домашними» свои гипотезы и концепции, а также расшифровывать их интервью, получая комментарии к тексту их же рассуждений.

Можно сказать, что интервью-экскурсии, наблюдения за бывшими жителями ДОма и опыт собственного отъезда оттуда стали основополагающими для этой статьи.

В процессе исследования в моем распоряжении также появилось небольшое количество документальных и медиасвидетельств жизни ДОма: два кратких видеосюжета журналистов петербургских городских телеканалов, побывавших там в тот или иной период существования коммуны, а также блог одной из ныне бывших жительниц ДОма в Telegram¹. Ссылки на эти материалы я получал от бывших и нынешних жителей ДОма или находил в интернете.

Отношения и их акторы в ДОме и вне его

Прежде чем непосредственно перейти к анализу роли киборгов и отношений взаимности в построении приватного и публичного внутри ДОма, я бы хотел остановиться на тех выстраиваемых «домашними» границах, которые достаточно точно соответствуют логике Х. Арендт. В рамках такого разделения публичное пространство отличается от приватного возможностью встретить в нем чужаков (Sennett 2018), соответ-

¹ Из соображений анонимизации вопрос о доступности материалов я оставляю за скобками.

ственно приватное предполагает их исключение (Altman 1975: 21–22; Geest 2018).

Али Маданипур, рассуждая о соотношении публичного и приватного в городе, описывает переход от одной сферы к другой как многоступенчатый континуум. Максимально публичные пространства (например, городские площади) соседствуют с менее публичным, например улицами жилых кварталов, те — с еще менее публичными (например, дворами жилых домов) и т.д. На другой стороне континуума находятся максимально приватные пространства (например, спальни), также менее приватные (например, гостиные и прихожие), еще менее приватные (например, балконы) и т.д. Таким образом, приватное и публичное становятся двумя разными концами спектра, в котором, впрочем, существуют относительно четкие границы: часто нельзя назвать то или иное пространство полностью публичным или приватным, однако его легко можно отделить от любого другого в этом спектре (Madanipour 2003: 65–67). В этом смысле А. Маданипур модифицирует построения Х. Арендт: различие приватного, социального и публичного теперь предполагает не тройственность, а спектральность, однако границы между его ступенями остаются столь же четкими.

На первый взгляд, пространство ДОма структурировано в соответствии с концепцией, предложенной А. Маданипуром.

Как уже было сказано выше, внутри коммуны «домашние» различают «общие места» и личные комнаты (их называют просто «комнатами»), а пространство ДОма в целом отделяется от внешнего ему стенами квартиры, в которой он находится — об этом говорит нарисованный членами коммуны плакат с планом ДОма, висящий на стене в коридоре (изначально с помощью него устанавливали график уборки). Личные комнаты отделены от «общих мест» дверьми с замками (каждый житель ДОма имеет свой ключ от занимаемой им комнаты), в них стучатся и заходят только с разрешения хозяина. Жители коммуны говорят про личные комнаты как про место уединения: в них можно удалиться от общения, которое происходит в «общих местах». Устраивая мероприятия (например, квартирники) с участием гостей, не имеющих отношения к коммуне, ее жители настаивают на том, что гости должны оставаться в пределах «общих мест», а попытки зайти или заглянуть в комнаты порицаются и пресекаются. Зайти в ДОм снаружи постороннему тоже не так просто — этому мешает кодовый замок¹.

¹Такого рода спектр, находящийся между публичным и приватным, имеет место и в цифровом пространстве коммуны. Все жители ДОма состоят в предназна-

Обозначив пространственные уровни перехода между публичным и приватным в арендтианском духе, необходимо продемонстрировать прозрачность, которая делает разделение этих уровней не столь жестким и однозначным. Прозрачность пространства ДОма, как я полагаю, подобно прозрачности, описанной А. Ридом в реалиях новогвинейской тюрьмы, связана с отношениями взаимности. Она также предполагает необходимость действовать с оглядкой на Другого и других и вместе с тем реагировать на действия Другого — действие происходит сразу с обоими агентами воспроизводимых отношений.

Проницаемость пространства ДОма имеет прежде всего акустический характер. Как выразилась на этот счет его жительница Лера, «здесь слишком тонкие стены». Жители коммуны знают утреннее время, когда звенят будильники их соседей, во сколько те начинают работу (если им приходится работать удаленно), какие мелодии их соседи предпочитают играть на музыкальных инструментах (чаще всего это синтезаторы), в каких выражениях общаются со своими кошками и собаками.

Звуковой ландшафт ДОма включал и пространство моей комнаты. За время моего проживания в коммуне я сменил две комнаты, этот инцидент произошел в первой. В восемь утра я проснулся от женского голоса, прозвучавшего под моим ухом и пожелавшего мне на английском доброго утра. Как я понял через приблизительно минуту недоумения, это был голос жившей в соседней комнате Даны, начинавшей в соответствующее время первый за ее рабочий день онлайн-урок в роли репетитора. Впоследствии появление в моей комнате этого голоса в это время суток не удивляло меня. Через пару дней меня также начали будить звуки будильника Даны, проникавшие в мою комнату в семь утра каждого буднего дня.

Жизнь в ДОме, по словам некоторых моих информанток, приводила их к утрате тех практик, которые понимались ими как приватные. Они возобновлялись, только будучи осознанными как публичные.

Дана говорила, что поначалу ей приходилось «заставлять солнце вставать по утрам», она пояснила эту метафору — нарушился цикл ее ежедневных практик, например она не могла сварить утренний кофе,

ченным только для них чае: туда добавляются все новые «домашние» и удаляются все, кто покидает коммуну. В еще одном значительно более крупном чате состоят как жители коммуны, так и «друзья ДОма» (как правило, его бывшие жители), они получают приглашение туда от жителей коммуны. Наконец, все желающие могут быть подписаны на группы и каналы коммуны в социальных сетях. В этой статье, однако, я не буду анализировать практики взаимодействия в цифровом пространстве, поскольку их рассмотрение, как представляется, требует отдельного исследования.

поскольку не оказывалась на кухне в одиночку. Приготовление пищи также становилось демонстрацией всем своих кулинарных навыков: «Я здесь живу очень во многом на виду — и я не могу не показывать того, что не очень хочу показывать».

Другая информантка утверждала, что «здесь [в ДОме] более телесное существование» — публичными становятся те практики, которые она назвала телесными. Нельзя отправиться в душ, не оповестив своим появлением в коридоре в махровом халате всех окружающих, о возвращении в комнату всех также оповестит запах шампуня. В душ нельзя отправиться нагишом или в нижнем белье — телесность дисциплинируется.

Стоит, впрочем, отметить, что запахи редко связывают публичное и приватное в пространстве ДОма. Запахи, создаваемые на кухне, редко доносятся до личных комнат, а запахи из комнат (например, благовония) совсем нечасто оказываются за их пределами. В одном случае, который я опишу позже, запахи становились частью киборга и связывали не комнаты и «общие места», а пространство комнаты и пространство за пределами самой коммуны.

Изменение в звуковом ландшафте соседей вызывают реакцию. Утром, после того как я переселился из одной комнаты в другую (мою предыдущую комнату заняла Дана), мои новые соседи Алина и Кеша поинтересовались, не живу ли я теперь через стенку от них. Я ответил, что так и есть, и спросил, как они об этом узнали (переехал я ночью, когда все домашние были в своих комнатах), те ответили, что ночью же услышали глухой удар о стену. В те часы, перевернувшись во сне на расположенном на полу матрасе, я ударился о нее головой. Это я и рассказал своим собеседникам, после чего поинтересовался: «А с Алисой [предыдущей жительницей комнаты] такого не было?» Они заулыбались и подтвердили мое предположение. Таким образом, мой переезд благодаря звуковой и информационной проницаемости (знанию о саундскейпе, создаваемом Алисой) автоматически стал частью жизни моих соседей, на что те поспешили отреагировать — между нами установились отношения взаимности.

За несколько часов до того, как непосредственно перенести вещи в новую комнату, Алиса, передавая мне старую, проводила экскурсию по вещному миру моего обиталища. Среди прочего она говорила о коврике, подстеленном под стулом на металлических ножках, приставленном к угловому столу: Алиса посоветовала не вынимать коврик из-под стула, так как скрип вызывает неудовольствие соседа слева. О подобной звуковой дисциплине мне также рассказывала Дана. По ее словам, в комнате она старалась издавать как можно меньше звуков: тише ставить чашку с чаем на стол, меньше ворочаться на кровати, тише ступать по полу.

Важную роль в такого рода практиках членов коммуны играют наушники: в комнатах в них слушают музыку и играют на синтезаторах. Благодаря тому, что действия, связанные со звуками, легко становятся частью жизни соседей, жители ДОма вынуждены действовать с оглядкой на них, ограничивая себя в создании звуков и советуя другим поступать так же. Распределенная агентность ограничения, связанная с необходимостью оглядываться и прислушиваться, проявляет себя в отношениях взаимности. При этом кроме двух ограничивающих друг друга агентов в эти отношения вовлечены материальные посредники (чашка, стул и пр.), обеспечивающие эту связь посредством издаваемого ими звука.

Такого рода самоограничение имеет место и в «общих местах». Так, к поющим ночью во время курения Дани и Денису подошел житель ближайшей комнаты. Он постучался в дверь и, когда ему открыли, сказал: «Курилка — не место для пения, курилка — место для курения». Аналогично он выразился в успешной попытке прекратить громкий смех: «Курилка — не место для юмора, курилка — место для курения». Смех и его пресечение практикуются в отношениях взаимности: первый автоматически становится частью жизни человека, живущего рядом с курилкой, и вызывает его реакцию, направленную на то, чтобы смеющиеся действовали с оглядкой.

Многие звуки в коридоре не могут быть проигнорированы. Так, в один из дней жизни в коммуне около полудня, услышав из коридора истошные детские крики, я вышел из комнаты. Рядом со мной было приоткрыто еще шесть-семь дверей разных комнат, из них выглядывали головы их жителей. По коридору с дочерью на руках шла живущая в ДОме Мила. Она приподнимала дочку перед собой — девочка смеялась, ее смех периодически переходил в визг. Мила, улыбаясь, смотрела на наблюдателей и повторяла: «Это мы так радуемся, все хорошо...» Вызывая смех ребенка, Мила, с одной стороны, вызвала реакцию окружающих, а с другой стороны, должна была реагировать в ответ, оправдывая похожие на плач звуки. В этом случае посредником в отношениях взаимности выступил ребенок — его звуки делали действия матери важными для других «домашних» и наоборот.

Аналогичное вмешательство может быть связано и со звуками в комнатах. Взяв интервью-экскурсию у Дениса по поводу вещей в его комнате, я договорился о такой же беседе с его девушкой Женей, которая нашла для этого время на следующий день, когда Денис был на работе. Наш разговор близился к завершению, мы стояли посреди комнаты, когда дверь приоткрылась, внутрь заглянула живущая напротив Дана. Посмотрев на нее, я и Женя прекратили разговор, новая участница диалога прервала молчание (А — я, Д — Дана, Ж — Женя):

Д: А мне тоже интересно.

А: А я уже все спросил.

Д: А что вы тут делаете?

Ж [улыбаясь]: А мы тут разговариваем.

Д: А... А Денис знает?

А [улыбаясь]: Денис знает. Денис мне сам это предложил.

Разговор в комнате, будучи слышимым сквозь стену, оказался важным и для соседки, наши действия привели и к ее действиям, чем и проявил отношения взаимности.

Иные звуки должны быть проигнорированы. Некоторые информанты сами в отдельных случаях ограничивают свой слух: «Проходя мимо комнаты, понимаешь, что там происходит, поэтому либо проходишь быстро, чтобы воздух в ушах шумел, либо не прислушиваешься», — это слова Даны. События в комнате являются также событиями в жизни проходящего мимо нее, а игнорирование — реакцией на них. Звукопроницаемость создает взаимность в действиях людей по разные стороны двери.

Как видно из примеров выше, звуковая прозрачность и сопутствующая ей взаимность часто связаны с посредниками: чайной чашкой, кроватью, ребенком и пр. Причем эта связь имеет вовсе не абстрактный характер, как в случае с «железным шаром» — популярной формулой, описывающей характер шумов в многоквартирном доме, издаваемых соседями сверху, которые, как предполагается, катают его по полу (Бредникова 2021). За звуками в ДОме стоят конкретные вещи и люди. Отношения взаимности, возникающие и воспроизводящиеся в проницаемом пространстве коммуны, включают в себя не только людей, разделяющих события в жизни друг друга и реагирующие на взаимные действия, но и (часто вещественных) посредников, осуществляющих связь между ними посредством звуков.

Всеобщая осведомленность о вещах, связанных с личными комнатами, имеет место и в тех случаях, когда материальные объекты не вносят большого вклада в звуковой ландшафт. Такую роль сыграл, например, трудно запираемый замок во второй комнате из тех, в которых я жил. Пару раз, когда, возвращаясь с улицы, я вставлял в него ключ, мне приходилось долго пытаться повернуть его в скважине. В обоих случаях рядом со мной останавливался кто-то из соседей и после секунд пяти наблюдения добавлял: «А, ну да, там замок [плохой]». Мои затруднения с замком под взором компетентных соседей очень быстро становились не только моими и вызывали реакцию — замок, знания вокруг которого разделялись разными людьми, создавал между ними отношения взаимности.

Жители ДОма не только знают о внутреннем устройстве многих комнат, но и позволяют себе оценивать те или иные изменения, которые привносятся туда. Это касается, например, утраченной обстановки в комнате, некогда принадлежавшей Антону, которая на момент моего пребывания в поле была комнатой Миши. По словам ряда «домочадцев», задолго до моего появления в ДОме Антон повесил на окно комнаты блэкаут-штору, выкрасил пол и потолок в фиолетовый цвет и нанес на них флюоресцентными красками кляксы, разноцветные внизу и белые сверху (там они изображали звезды). На стене флюоресцентными же красками была перенесена фотография одного из центральных районов Токио, которая светилось и имела глубокую перспективу — ее называли «порталом». Рядом с кроватью, расположенной в двух метрах над полом, должна была быть навешена веревочная сетка, в которую, как предполагалось, можно было упасть, неудачно перевернувшись во сне.

После отъезда Антона из ДОма его комнату занял Женя, он предпочел закрасить «портал» и забелить потолок, блек-аут-штора была снята. Женя прожил в этой комнате месяц, а затем переехал в другую комнату, которую занимал на момент моего проживания в коммуне. Вслед за ним в нее вошел Миша.

Воспоминания домашних об изменениях в комнате, принадлежавшей сначала Антону, затем Жене и потом Мише, неизменно сопровождались сетованием на то, что Женя зря так поступил, тем более что прожил он там минимально возможный срок. Наследие предыдущего жителя комнаты должно было быть сохранено, а действия без оглядки на соседей в условиях информационной проницаемости вызывали негативную реакцию. Вновь знание о вещах, которое разделяли не только житель комнаты, но и другие «домашние», создало связь, благодаря которой нужно было действовать с оглядкой. Предметы интерьера выступали в качестве посредников, создававших взаимность действий. Благодаря им ремонт и перестановка в комнате одновременно затрагивали многих жителей ДОма, знавших об обстановке в ней, и вызывали их реакцию.

Описанную выше проницаемость пространства Анель обозначила сентенцией: «Ты всегда, [в своей комнате] вроде бы один живешь, а вроде и не один живешь».

Агентность, существующая в отношениях взаимности, впрочем, нормативно ограничена. Хорошая иллюстрация этому — появление детей в ДОме. В двух случаях, когда это имело место, родители накладывали дополнительные обязательства на других «домашних». Как выразился Виктор, «песни не поорешь», «куча бесконтрольных вещей», а «домочадцы у нас не самые, там, трезвенники-язвенники, которые, ну, ведут себя

всегда адекватно». Обобщенно об этом высказалась Рая: «Проблемы случались из-за матерей, они приходили в общее пространство и начинали устанавливать свои правила... типа чтобы пол всегда был чистый». Родители детей пытались установить новые отношения взаимности, в которых то, что происходило в жизни ребенка и его родителей (например, неудобство от громких песен или грязного пола), автоматически происходило и с их соседями, однако последние, во множестве случаев действуя с оглядкой на Других, оказались не готовы делать это в еще большем числе практик — действовать с оглядкой еще и на ребенка и его родителей.

Общая осведомленность о вещах в личных комнатах, обеспечивающая информационную проницаемость пространства коммуны, связана с порядком их заселения. Новый член коммуны, как правило, занимает комнату, временно оставленную «залогодержателем». К «залогодержателям» принадлежат жители ДОма, внесшие залог в «общак» коммуны, он равен месячной плате за аренду комнаты и может быть передан арендодателю, в случае если один из членов коммуны покинет ее и, имея долги за аренду, откажется их покрывать. По возвращении «залогодержателя» в коммуну новый житель чаще всего переезжает в другую комнату. Смена комнат происходит до момента, когда «освободится залог», т.е. один из «залогодержателей» покинет коммуну и тем самым даст возможность внести залог кому-то другому.

Значимая часть жителей ДОма не принадлежит к категории «залогодержателей»: являясь «временными» или «постоянными» жителями, они занимают ту комнату, в которой на данный момент не живет ее, например, отправившийся в путешествие «залогодержатель». Поскольку «залогодержатели» периодически возвращаются, эти люди вынуждены с некоторой регулярностью менять комнаты. Как уже упоминалось выше, это имело место и со мной: по истечении месяца жизни в комнате, залогодержателем которой являлся Коля, временно отсутствовавший в ДОме, я переехал в соседнюю комнату, договорившись с Алисой, которая меняла комнату, но продолжала быть «залогодержательницей» предыдущей, где теперь жил я. Практически все, кто является «залогодержателями» тех или иных комнат, в ранний период своего пребывания в ДОме таковыми не были и, как следствие, были вынуждены также менять комнаты.

Оставленные в ДОме залого, как и вещи (например, упомянутая в начале статьи карта), принадлежащие «залогодержателю», участвуют в формировании киборгов, выступая в них в качестве инструментов.

«Залогодержатель» сохраняет связь с присвоенной ему комнатой, даже покидая коммуну. Он передает ДОму залог, не расставаясь с ним оконча-

тельно (*keeping-while-giving*) (Weiner 2001) и благодаря этому сохраняет своеобразное представительство в сообществе. С помощью залога жителями коммуны конструируется киборг, благодаря которому появляется возможность уйти, оставшись. Наряду с залогом «залогодержатель» оставляет свои вещи и даже запахи. Анель, живущая в комнате, откуда была изъята и куда была возвращена упомянутая во вступном разделе статьи карта, по ее словам, «очень чувствительна к запахам», а Анна («залогодержательница») «принадлежит к большим любителям благовоний». Рассуждения об этом, Анель подвела итог словами: «Кажется, я даже сейчас чувствую благовония».

Оставленные в комнате вещи сами по себе не дают право вновь поселиться в комнате, однако, как уже было сказано выше, оставляют возможность туда вернуться. Прошлый хозяин комнаты никогда не становится прошлым полностью. Таким образом, отношения-киборги связывают максимально приватные личные комнаты с максимально публичным пространством, внешним по отношению в ДОму, — делают границы между ними более проницаемыми.

Будущие хозяева комнаты также заранее связываются с ее материальностью. Вещи и интерьер служат основой для выбора будущей комнаты. Так, Клава переехала в комнату, где жила последние три месяца к моменту моего приезда, ориентируясь на тот факт, что на втором этаже, служащим кроватью, закреплены качели. Это же стало мотивом Алисы, которая въехала в эту комнату после, как раз оставив комнату, которую я занимал второй. Ник предпочел стать «залогодержателем» именно той комнаты, где он проживал на момент моего полевого исследования, по наличию в ней большого стола, подходящего для обилия его компьютерной техники. Колиными ориентирами в таком же выборе было глубокое кресло и балкон (именно эту комнату он передал во временное пользование мне). Анель изначально планировала переехать в комнату, «залогодержательницей» которой является Анна, по той причине, что там было постелено самое новое во всем ДОме покрытие пола.

Агентность тех, кто только желал переехать в комнату, но не жил в ней, значительно ниже оставлявших свои комнаты «друзей ДОма» — создаваемый ими киборг, направленный в будущее, а не в прошлое (как в случае с оставленными вещами) оказывается не столь эффективен. Тот или иной элемент интерьера связывает потенциальных претендентов с комнатой и до какой-то степени приводит к их переезду, однако не только не гарантирует этого, но и не делает более весомой их кандидатуру.

Агентность, приобретаемая посредством создания киборга владельцем оставленной в комнате вещи, нормативно ограничена.

В частности, это послужило основанием конфликта между Клавой и Настей. Клава жила в комнате, которую выбрала, как уже упоминалось, среди прочего из-за качелей. Ее «залогодержательницей» была Настя, уехавшая в путешествие. Для описания их отношений информанты использовали формулу «Клава живет в доме-музее Насти». Настя требовала ни в коем случае не перемещать ее вещи и предупреждать всякий раз, когда в комнате появлялся кто-нибудь, кроме Клавы. Это привело к тому, что Клава сменила комнату, вслед за ней туда въехала Алиса, оставив предыдущую комнату мне. Рассчитывая на поддержку «домашних», она планировала на одном из собраний поднять вопрос о том, может ли оставаться «залогодержателем» человек, долго отсутствующий в ДОме, поскольку Настя не жила в нем уже более года.

«Дом-музей» — это киборг, вышедший из-под контроля. Агентность хозяйки вещей, существующая благодаря этим самым вещам как инструментам, не просто предполагала возможность возвращения на тех или иных условиях (как «залогодержательницы» или «друга ДОма») — Настя получила власть над приватным пространством другой жительницы ДОма, что и стало причиной недовольства и попыток лишить ее этой агентности.

Агентность инструментов внутри киборгов могут обретать не только оставленные вещи, но и люди. Те, кто некогда жил в коммуне, сохраняют свой круг общения среди «домашних» («компанию»). Например, Дана, с которой я общался больше, чем с другими членами коммуны, покинула ДОм через несколько месяцев после меня и, узнав, что я размышляю над тем, чтобы вновь переехать туда, утверждала, что это очень удобно для нее, поскольку ей будет, к кому прийти туда в гости. Аналогично, покинув ДОм, я договаривался о посещении его в качестве гостя с теми, с кем общался до того, а приглашая меня в гости, говорили (или писали) о тех, кто хотел бы меня видеть, формулой «тебя ждут [перечисление имен и прозвищ]».

Участники организуемого в ДОме мероприятия также приходят по приглашению его организатора из «домашних». Стоит также добавить, что именно люди, которые «ждут» гостя, особым образом приветствуют его (чаще всего объятиями), в то время как другие знакомые в ДОме ограничиваются только вербальным приветствием, а, учитывая, что состав «домашних» все время меняется, большинство его жителей со временем вовсе перестают здороваться с гостем, взаимодействие с ними сводится к вежливому невниманию по Э. Гофману (Гофман 2017).

Те, кто «ждут» бывшего и/или потенциального жителя «в гости», также представляют его кандидатуру на предварительном обсуждении,

если тот решает, поселиться в коммуне впервые или вновь, когда освобождается одна (или более) комната. В этом случае объявление о поиске нового жителя может вовсе не публиковаться. Таким образом, покидая ДОм, его житель остается представлен в нем своей «компанией», это позволяет им сформировать киборга, благодаря которому он в любой момент может появиться в «общих местах». С помощью своих представителей/инструментов, находясь в максимально публичном пространстве за пределами коммуны, «друг ДОма» обеспечивает связь с ее более частными «общими местами».

Заключение

Пространство коммуны ДОм на Синей ветке, будучи структурировано в логике континуума публичного и частного, разделяется на зоны от большей частности к большей публичности. Эти границы, однако, прозрачны и проницаемы. Люди, вовсе не живущие в ДОме, проникают в максимально частные личные комнаты, а практики более публичных «общих мест» определяются тем, какой эффект они производят в частных пространствах и наоборот.

Проницаемость коммунального пространства не существует сама по себе. Она обуславливается сетями связанных с ДОмом отношений и включенных в них акторов. Как в личных комнатах, так и в «общих местах» «домашние» действуют в рамках отношений взаимности — с оглядкой на осведомленного об их действиях Другого. Посредниками между человеческими участниками отношений взаимности часто выступают вещи и звуки. Осведомленность жителей ДОма о вещах и звуках в нем создает их отклик на чужие действия и заставляет действовать с учетом отклика Других. Вещи и звуки не просто разделяются как нечто доступное многим и тем самым публичное: особенности вещей и звуков, их агентности определяют необходимость действовать с учетом Другого. Таким образом, проницаемость между «общими местами» и личными комнатами создается отношениями взаимности.

Покидая ДОм, его бывший житель образует киборгов с другими коммунальными акторами. Он остается представлен в ДОме через инструменты (по М. Стратерн) — через свои вещи, которые хранятся в личных комнатах, занимаемых их новыми хозяевами, через связанных с ним людей и в ряде случаев через оставляемый им «залог». Благодаря вещам и людям он может вернуться в частное или публичное пространство коммуны в качестве гостя, кандидата на одну из комнат или того, кто хочет забрать свои вещи. Его связь с ней не будет разорвана — он останется «другом ДОма». В отличие от отношений взаимности, киборги

создают проницаемость между ДОмом (его комнатами и «общими местами») и полностью публичным внешним миром.

Распределенная агентность внутри отношений взаимности и киборгов ограничена. Вещи, «компания» и залог дают возможность вернуться, но не предполагают права распоряжаться пространством комнаты, когда там живет кто-то другой. А отношения взаимности совсем не всегда дают возможность определить, как именно должны действовать акторы, участвующие Другого.

Прозрачность пространства ДОма создается отношениями взаимности и киборгами между различным образом локализованными агентами. Этими акторами являются как жители коммуны, так и их общий мир, представленный не пассивными объектами, на которых обращен взор акторов, но особого рода агентами — инструментами внутри киборгов и посредниками в отношениях взаимности. Все агенты, вовлечены в отношения и взаимодействия не автономно — их агентность распределяется и тем самым воспроизводит прозрачность/проницаемость границы публичного и частного в коммуне.

Коммуна ДОм, таким образом, является совокупностью локализованных отношений (распределенных агентностей) разного рода, включающей в себя отношения взаимности и киборгов. Вся она, впрочем, не может быть исчерпывающе описана в рамках одной статьи.

Выражение благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 23-18-00962 «Экономическая антропология домохозяйства современной России за пределами мегаполисов» при финансовой поддержке Российского научного фонда. Автор выражает благодарность за ценные советы и мысли Николаю Ссоринову-Чайкову и участникам Антропологического кружка, а также всем своим собеседникам, которые встретились ему в ДОме и за его пределами.

Литература / References

- Арендт Х. (1996) *Истоки тоталитаризма*. М.: Центрком.
Arendt H. (1996) *The origins of totalitarianism*. Moscow: Centrcom (in Russian).
Арендт Х. (2000) *Vita activa, или О деятельной жизни*. СПб.: Алетейя.
Arendt H. (2000) *Vita activa, or On active life*. St. Petersburg: Aleteyja (in Russian).
Богданова Е. А. (2017) Границы между частным и публичным в звуковом сообществе: исследование современного русского села. *Laboratorium: журнал социальных исследований*, 9(1): 4–29.
Bogdanova E.A. (2017) Rethinking public and private in an acoustic community: investigation of contemporary Russian village. *Laboratorium: zhurnal social'nykh*

issledovaniy [Laboratorium: Russian review of social research], 9(1): 4–29 (in Russian).

Бойм С.Ю. (2002) *Обице места: Мифология повседневной жизни*. М.: Новое литературное обозрение.

Boym S.Yu. (2002) *Common paces: mythologies of everyday life*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (in Russian).

Бредникова О.Е. (2021) «Я с соседями совсем не общаюсь...»: соседство как рутинное взаимодействие. *Laboratorium: журнал социальных исследований*, 13(2): 101–123.

Brednikova O.E. (2021) “I don’t communicate with my neighbors at all”: neighboring as a routine interaction. *Laboratorium: zhurnal social’nyh issledovaniy* [Laboratorium: Russian review of social research], 13(2): 101–123 (in Russian).

Герасимова Е.Ю. (1998) Советская коммунальная квартира. *Социологический журнал*, 1/2:224–241.

Gerasimova E.Yu. (1998) Soviet communal apartment. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal], 1/2: 224–241 (in Russian).

Герасимова Е.Ю. (2000) *Советская коммунальная квартира как социальный институт: историко-социологический анализ (на материалах Ленинграда, 1917–1991)*: дис. ... канд. соц. наук, Европейский университет в Санкт-Петербурге. СПб.

Gerasimova E.Yu. (2000) *The Soviet communal apartment as a social Institution: a historical and sociological analysis (based on the materials of Leningrad 1917–1991)*. Dissertaciya kandidata sociologicheskikh nauk, Evropejskij universitet v Sankt-Peterburge. Sankt-Peterburg (in Russian).

Гофман Э. (2017) *Поведение в публичных местах. Заметки о социальной организации сборищ*. М.: Элементарные формы.

Goffman E. (2017) *Behavior in public places: notes on the social organization of gathering*. Moscow: Elementarnye formy (in Russian).

Гурова О.Ю. (2004) Нижнее белье в советской культуре: особенности приватной вещи. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 7(2): 99–114.

Gurova O.Yu. (2004) Underwear in Soviet culture: features of a private thing. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The journal of sociology and social anthropology], 7(2): 99–114 (in Russian).

Гурова О.Ю. (2008) *Советское нижнее белье: между идеологией и повседневностью*. М.: Новое литературное обозрение.

Gurova O.Yu. (2008) *Soviet underwear: between ideology and everyday life*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (in Russian).

Корюхина И.Ю., Куклина В.В. (2019) О гетеротопии коммодифицированного жилого пространства (случай Байкальска). *Социологическое обозрение*, 18(1): 36–55.

Koryukhina I. Yu., Kuklina V. V. (2019) On Heterotopia of a Commodified Dwelling Space (Case of Baikal'sk) *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Russian sociological review], 18(1): 36–55 (in Russian).

Мануйлов А.Н. (2007) Практики приватности в южно-российском селе (кейс-стади). *Антропологический форум*, 6: 177–204.

Manuylov A.N. (2007) Praktiki privatnosti v yuzhno-rossijskom sele (kejs-stadi) [Privacy practices in South Russian village (case study)]. *Antropologicheskij forum* [Forum for anthropology and culture], 6: 177–204 (in Russian).

Рахманова Л.Я. (2018) Интимные пространства для тела и души в деревне: неловкость, смущение и стыд как часть включенного наблюдения. *Кунсткамера*, 2: 12–18.

Rakhmanova L.Ya. (2018) Intimate spaces for body and soul in the village: awkwardness, embarrassment and shame as a part of the participant observation. *Kunstkamera*, 2:12–18 (in Russian).

Соколовский С.В. (2022) Тело киборга: человек и концепция расширенного организма. *Сибирские исторические исследования*, 2: 6–26.

Sokolovskiy S.V. (2022) The Cyborg Body: human being and the concept of an expanded organism. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian historical research], 2: 6–26 (in Russian).

Ссорин-Чайков Н.В. (2009) Предел прозрачности: черный ящик и антропология врага в ранней советологии и советскости. Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.Р. (ред.) *Визуальная антропология: режимы видимости при социализме*. М.: ООО «Вариант»; ЦСПГИ: 19–57.

Ssorin-Chaikov N.V. (2009) The limit of transparency: the black box and the anthropology of the enemy in early sovietology and sovietness. In: Yarskaya-Smirnova E.R., Romanov P.R. (eds.) *Visual anthropology: modes of visibility under socialism*. Moscow: ООО «Variant»; CSPGI: 19–57: (in Russian).

Утехин И.В. (2004) *Очерки коммунального быта*. М.: ОГИ.

Utekhin I.V. (2004) *Essays on communal mode of life*. Moscow: OGI (in Russian).

Утехин И.В. (2007) О бытовом ограждении. Левинтон Г.А., Вахтин Н.Б. (ред.) *АБ-60. Сборник статей к 60-летию А.К. Байбурина*. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге: 375–383.

Utekhin I.V. (2007) On domestic fencing. In: Levinton G.A., Vakhtin N.B. (eds.) *AB-60. Collection of articles dedicated to the 60th anniversary of A. K. Bayburin*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge: 375–383 (in Russian).

Харауэй Д. (2005) Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. Бредихина Л.М. (ред.) *Гендерная теория и искусство. Антология: 1970–2000*. М.: РОССПЭН: 322–377.

Haraway D. (2017) A Manifesto for Cyborgs: Science, Technology, and Socialist Feminism in the 1980s. In: Bredihina L.M. (ed.) *Gender theory and art. Anthology: 1970–2000*. Moscow: ROSSPEN: 322–377 (in Russian).

Altman I. (1975) *The Environment and Social Behavior: Privacy, Personal Space, Territory, Crowding*. Monterey: Brooks; Cole Publishing.

Azozomox, Kuhn A. (2018) The Cycles of Squatting in Berlin. Martínez López M. A. (ed.) *The Urban Politics of Squatters' Movements*. New York: Palgrave Macmillan: 145–164.

Boym S. (1994) The Archeology of Banality: The Soviet Home. *Public Culture*, 6(2): 263–292.

Brown S.L. Introduction. In: Brown S.L. (ed.) *Intentional Community: An Anthropological Perspective*. New York: University of New York Press: 1–17.

Clynes M.E., Kline N.S. (1960) Cyborgs and space. *Astronautics*, Sept: 6–27, 74–77.

Dee E.T.C. (2016) Squatted Social Centers in London: Temporary Nodes of Resistance to Capitalism. *Contention*, 4(1–2): 109–127.

Geest S. van der (2018) Privacy from an Anthropological Perspective. In: Sloot B. van der, Groot A. de (eds.) *The Handbook of Privacy Studies: An Interdisciplinary Introduction*. Amsterdam: Amsterdam University Press: 413–444.

Gerasimova E. (2003) Public Spaces in the Communal Apartment. In: Ritter-sporn G.T., Rolf M., Behrends J.C. (eds.). *Sphären von Öffentlichkeit in Gesellschaften sowjetischen Typs: Zwischen partei-staatlicher Selbstinszenierung und kirchlichen Gegenwelten*. Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag: 165–195.

John G. (2017) Sharing Knowledge, Making Place: Exploring “the Social” in Co/mmunity Living in London. In: Knox H., John G. (eds.) *Speaking for the Social*. New York: Punctum Press: 129–154.

Kadir N. (2016) *The Autonomous Life? Paradoxes of Hierarchy, Authority, and Urban Identity in the Amsterdam Squatters Movement*. Manchester: Manchester University Press.

Kuper A. (1994) *The Chosen Primate: Human Nature and Cultural Diversity*. Cambridge; London: Harvard University Press.

Madanipour A. (2003) *Public and Private Spaces of the City*. London; New York: Routledge.

Miller T. (1998) *The Quest of Utopia in Twentieth Century America*. Vol. I: 1900–1960. Syracuse; New York: Syracuse University Press: XX–XXI.

Muri A. (2007) *The Enlightenment Cyborg: A History of Communications and Control in the Human Machine, 1660–1830*. Toronto: University of Toronto Press, 2007.

Okely J. (2012) *Anthropological Practice: Fieldwork and the Ethnographic Method*. London; New York: Routledge.

Reed A. (1999) Anticipating Individuals: Modes of Vision and Their Social Consequence in a Papua New Guinean Prison. *The Journal of the Royal Anthropological Institute*, 5(1): 43–56.

Sahlins M. (2013) *What kinship is — and is not*. Chicago: University of Chicago Press.

Sennett R. (2018) The public realm. In: Hall S., Burdett R. (eds.). *The SAGE Handbook of the 21st Century City*. Los Angeles, London, New Delhi, Singapore, Washington DC; Melbourne: Sage reference: 585–601.

Strathern M. (1988) *The Gender of the Gift*. Berkeley, Los Angeles; London: University of California Press.

Strathern M. (2004) *Partial Connections*. Walnut Creek; Lanham; New York; Toronto; Oxford: Altamira Press.

Sue S. (2005) Body and Soul: A History of Cyborg Theory. In: Sue S. *Cyborg Cinema and Contemporary Subjectivity*. New York: Palgrave Macmillan: 34–54.

Thévenot L. (2020) How Does Politics Take Closeness into Account? Returns from Russia. *International Journal of Politics, Culture, and Society*, 33(2): 221–250.

Weiner A. (2001) *Inalienable Possessions: The Paradox of Keeping-While-Giving*. Berkeley; Los Angeles; Oxford: California University Press.

RELATIONS AND CYBORGS: PUBLIC AND PRIVATE IN AN URBAN COMMUNE

Artem Kotelnikov (a-k-v-2m-s@mail.ru)

HSE University, St. Petersburg, Russia

Citation: Kotelnikov A. (2025) Relations and cyborgs: public and private in an urban commune. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(3): 228–257 (in Russian).

<https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.3.10> EDN: HNYDGP

Abstract. The article presents ethnographic research of one of about a dozen communes of St. Petersburg, based on cohabitation and common housing by people who are not blood or family related to each other in large apartments (once communal flats or dormitories). I consider the problem of the interrelation between private and public in a situation of uncertainty (transparency) of the boundaries between them, which is characteristic of communal life in the context, the importance of things as actors within this transparent space and dividual agency within it. Studies devoted to this kind of uncertainty either do not discuss the transparency of the boundaries of public and private, explaining the uncertainty in a different way (for example, through transitional spheres or performativity), or only state its existence without clarifying its structure. As an alternative analytical tool, I turn to Marilyn Strathearn's concept of relationships, which identifies two forms of dividual agency relevant to the realities of the commune I am exploring: 1) mutuality and 2) cyborg relations. The former presupposes an agency of actors in which an action is performed with an eye to and from the Other, while within the latter, some actors act as representatives of others. The mutuality relationship in the commune involves intermediaries. More often it is sounds or things. The connection with these intermediaries connects different people's private spaces and the public space of the commune. In turn, cyborgs, which include representatives of ex-residents of the commune — other people, ex-residents' belongings and rental liens — make it possible for these ex-residents to return to the commune space and, thus, connect the public

space outside it and its private sphere. The permeability of a commune's space is determined and structured in different ways by localized forms of dividual agency within it.

Keywords: urban commune, intentional community, public and private, transparency, mutuality relations, cyborg, dividual agency, common world.

Acknowledgments

Research for this article was conducted within the RSF project no. 23-18-00962 "Economic Anthropology of Household in Contemporary Russia outside Metropolitan Areas" with finding from the Russian Science Foundation. The author expresses appreciation for the valuable advice and thoughts of Nikolai Ssorin-Chaikov and Anthropological kruzhok participants, as well as to all his interlocutors who met him in the DOM and beyond.